

Кто не рискует...

После Малого зала Краммер примется за Большой

Возг. клуб. - 1995. - 29 авг. - с. 7.

Небольшая сенсация ожидает филармоническую публику. 3 сентября филармония открывает Малый зал консерватории, святилище камерной музыки, концертом джазового пианиста Даниила Крамера. Это, несомненно, большой прорыв в традициях весьма и весьма консервативного зала. Событие, может быть, даже историческое. И мы попросили Даниила Борисовича прокомментировать его, а заодно и рассказать немного о себе. Все-таки интересно, что за смельчак посягает на незыблемые столичные устои?

— Я и сам немного побаиваюсь этого концерта. Во-первых, я никогда не играл в Малом зале, а во-вторых, отдаю себе отчет, что это за сцена. Кажется, до меня на ней играл джаз только валторнист Аркадий Шилклопер, да и то не целый концерт...

С 1 сентября 1994 года я преподаю в Московской государственной консерватории. Класс джазовой импровизации здесь введен впервые за все время ее существования. Я сам предложил это ректору Михаилу Александровичу Овчинникову, и он сразу согласился. Так что консерватория, несмотря на свое название, выступила как очень даже прогрессивное учебное заведение.

Сначала у меня было всего четыре студента. Потом их стало приходиться все больше и больше, и я уже начал ограничивать доступ в класс. Хотя сам я — ученик Евгения Яковлевича Либермана, то есть "внук" Генриха Густавовича Нейгауза, и прекрасно знаю, что в принципе система вольнослушателей в традициях Московской консерватории.

Вообще не надо думать, что я чисто джазовый музыкант. Закончил я Харьковскую музыкальную спецшколу, из которой вышли, кстати, всемирно признанный "классик" Владимир

Крайнев и замечательный джазовый пианист Леонид Чижик. О Чижике я еще в годы учебы слышал, что с ним были большие трудности, потому что он не очень хотел играть классику, а играл преимущественно джаз...

Я учился у Елены Владимировны Иолис — это такая харьковская Артоболовская. Мне необычайно повезло. Она именно из тех педагогов, которые обращаются с учениками в духе старых итальянских мастеров-художников. Они селили учеников у себя, учили, кормили их и, научив, отпускали на волю.

В 8-м классе я стал лауреатом двух республиканских конкурсов — первую премию получил как пианист, вторую — как композитор. Елена Владимировна посадила меня на поезд и привезла в Гнесинский институт к Либерману. У этого мастодонта педагогики я и закончил Гнесинку.

Как я стал джазовым пианистом? В 70-е годы в школе я играл чистую классику. А слово "джаз" только слышал. Увидел пластинку, кажется, японского оркестра "Шарпс энд Флэтс". На конверте было написано: "Джаз-оркестр". Я купил — там оказалась "История любви" и всякие такие сентиментальные шутовские

ны, весьма средне сыгранные, пригодные для танцев-обжиганцев в темной комнате. Но я-то решил, что раз написано "джаз" — значит это и есть джаз! Нет, в 12—14 лет ни о чем нельзя судить только по одной пластинке! Я тогда этого не понимал. А многие и в сорок лет не понимают...

Вот и получается: когда плохой исполнитель плохо играет Бетховена, никто не говорит, что Бетховен — плохой композитор. Но если кто-то плохо играет джаз или сугубо современную музыку — сразу скажут: это музыка плохая!

Итак, я решил, что джаз — плохой. К счастью, это заключение не слишком меня удовлетворило. В это время в Харькове некие квази-джаз-музыканты пытались что-то изображать. Я разыскал их подвал, посидел там, послушал. И "благодаря" этим бедолагам окончательно понял: джаз — настоящая музыка, настоящее дело. И окончательно сделал вывод: джаз я не люблю!

С этим-то выводом я и приехал учиться в Москву. Но на первом курсе у меня появилась девочка, которая оказалась более прогрессивной, чем я. Она уговорила меня пойти в киноконцертный зал "Октябрь" на концерт Леонида Чижика. С концерта я

ушел с ощущением, что взорвалась бомба. Это был 79-й или 80-й год. Я не представлял, что такое вообще может быть... А потом на студенческой вечеринке я услышал пластинки с записями Оскара Питерсона и Билла Эванса. И все у меня в башке перевернулось.

К этому времени в Москве появились ноты "Рэг-таймов" Джоплина, я купил их и кое-что выучил. Поехал к Чижик, который преподавал на эстрадно-джазовом отделении училища Октябрьской революции. Сыграл ему рэг-тайм "Кленовый лист" и... схлопотал все, что мне причиталось. Леонид Аркадьевич стал со мной заниматься. Он дал мне шесть уроков с перерывом примерно в месяц. Этого хватило, чтобы в 1982 году я получил первую премию на Вильнюсском конкурсе молодых джазовых пианистов-импровизаторов.

В тот момент я еще не решил, буду ли заниматься только джазом. В 1984 году меня понесло на "взрослый" джаз-фестиваль в Витебске, где я провалился просто с треском. Ведь я, по существу, все еще не знал, что такое джаз, играл в самом деле какую-то ахинею... Большинство музыкантов тогда вынесли вердикт: ну, этот мальчик джаз играть никогда не будет.

И полтора года я просидел в глубокой... яме, скажем так. Я был уже не классический пианист и еще не джазовый. Свой срок в профессиональном джазе отсчитываю с 1 сентября 1985 года, когда в том самом Октябрьском училище на Ордынке ко мне подошел джаз-гитарист Михаил Есаков: "Ладно, Дань, пойдем, я тебе расскажу, что такое джаз..."

И разложил мне по полочкам все азы знаний. Я начал что-то понимать. Таким образом, в джазе у меня два учителя — Чижик и Есаков. И 1 сентября у меня вроде как юбилей — 10 лет в джазе.

Весной 95-го года я солировал в "Рапсодии в стиле блюз" Гершвина в Большом зале консерватории с дударовским оркестром, дирижировал Федор Глуценко. Но я буду бороться за то, чтобы настоящий, серьезный, красивый джаз чаще звучал в Большом зале. Почему в Карнеги-холле это возможно, а в Большом зале консерватории и зале Чайковского — нет?! Я буду добиваться сольного концерта. Администрация не возражает. Проблема в другом: бояться, что академичная публика Большого зала просто не пойдет на джазовый концерт. Но я вижу свою линию в одном: вывести джаз на серьезную сцену, превратить его в безусловную часть общеклассической культуры.

3 сентября я буду играть в Малом зале не только джаз, но и то, что не очень-то джазом назывешь. Скорее это просто современная музыка моего собственного сочинения. Кроме того, я импровизирую на известные американские темы и на одну тему уважаемого мною Германа Лукьянова.

Записала
Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимке: а в это воскресенье Даниил Крамер в дуэте с Алексеем Кузнецовым выступил на летней эстраде парка "Сокольники".

Фото Владимира
ЛУЧИНА.